

ПАЦАНКА

АЛЁНА ШАХНИНА

Алёна Шахнина

Пацанка

<https://litres.ru/74207492>

Аннотация

Роман — капитан футбольной команды, чистюля и перфекционист. Он привык всё контролировать: игру, дисциплину, свою безупречную жизнь. Его цель — слепить из кучки оболтусов идеальную команду и наконец доказать, что он не просто «друг того парня».

Тоня носит вещи погибшего брата и спит в его комнате, которую не трогала больше года. Потому что если ничего не менять — можно сделать вид, что он всё ещё рядом.

Она не умеет пасовать, не слушается и дерется лучше любого пацана. Её главное правило: никогда не показывать слабость. Потому что брат учил: слёзы — это поражение.

Когда Тоня попадает в команду Романа, они оба получают не то, что хотели.

Он видит в ней проблему. Она в нём — врага. Он требует подчинения. Она плюёт на правила. Он замечает её синяки. Она впервые в жизни замирает от чужого прикосновения.

Роман мечтал о сильной команде. Но не думал, что самым трудным игроком окажется та, которую он захочет спасти.

Тоня клялась, что никогда не станет слабой. Но не знала, что слабость может быть похожа на любовь.

Две брони. Одна команда. Сезон, который изменит всё.

Читать можно отдельно, но для знакомства с ключевыми персонажами лучше начать с книги "Новенькая" .

Третья часть цикла:

Содержание

Глава № 1 Рома	5
Глава № 2 Тоня	14
Глава № 3 Рома	26
Глава № 4 Тоня	34
Глава № 5 Рома	40
Глава № 6 Тоня	49
Глава № 7 Рома	57
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Глава № 1 Рома

Тишина в раздевалке ласкает уши — после двухчасовой тренировки с оболтусами хочется погрузить голову в вакуум. Парни, хоть и делают попытки стать великими футболистами, шумные настолько, что приходится осаждать их, пытаюсь перекрычать. Оно и понятно — разный возраст, разные классы, бывшие школьные задиры. Вот и пытаются выплеснуть энергию, что копится внутри. Вот только я себя иногда чувствую не капитаном, а воспитателем детского сада «Ромашка».

Я догадывался, что будет непросто, и это моя не первая команда, но, чтобы настолько... Как говорится, бойся своих желаний. Хотел попасть к тренеру первой школы, и попал. Так крупно попал, что чувствую, как медленно, в мучительных судорогах и агонии погибают мои нервные клетки. А они вроде не восстанавливаются, и начну я скоро на людей бросаться, как злая собака.

Натягиваю кофту и тяну ползунок молнии вверх, до самого подбородка. Холода пришли, как всегда, резко и неожиданно, хотя ещё декабрь не наступил. Но море бушует, ветра дуют, дожди идут, тоска по лету съедает. Продолжая ворчать про себя на погоду, будто могу что-то изменить, выхожу из спортивного комплекса и плетусь на выход, где уже издали вижу парочку, что явно дожидается меня. Стоят, милуются,

уже наверняка и забыв, для чего они здесь.

Это — мои самые преданные поклонники. И сталкеры. Иначе нельзя назвать их, потому что они постоянно преследуют меня, словно без меня их мир рухнет. И как так вышло, что мой главный соперник и моя главная заноза в заднице стали моими лучшими друзьями? Или я их?

Подхожу ближе, и они разом поворачивают головы ко мне. Лерка улыбается, втягивая голову в шею, пытаюсь спрятаться от холодного ветра. На голове короткие волоски танцуют танго, и она рукой приглаживает их, только получается плохо.

— Вы чего опять тут забыли? — спрашиваю и пожимаю руку Дане.

— У нас игра двор на двор сейчас будет, пойдешь? — говорит он.

Даня изменился за последние два месяца после того, как Лерка сделала из него человека. Раньше вечно с дурацкой ухмылкой ходил, смотрел на всех с высоты птичьего полета. Мы с ним, хоть в открытый конфликт никогда не вступали, относились друг к другу с взаимной ненавистью. Еще бы! Целый год соперники, по голам нога в ногу всегда шли. И ладно бы он молчал после матча, так вечно свои пять копеек вставлял, раздражая меня до кипения крови. Сейчас он другой. Больше не бесит меня, наоборот даже, друзьями стали.

— Вы меня удивляете, — хмыкаю я. — Есть такая прямоугольная штука в ваших карманах, телефон называется. Вот

если её взять и набрать мой номер, то можно всякие вопросы мне задавать и не приходить сюда.

Лера с Даней переглядываются, не понимая: шучу я или говорю серьезно.

— Странный ты какой-то в последнее время, — говорит она. — У тебя случилось что-то?

— Нет, — выпаливаю быстро. — Ты иди попробуй потренируй этих... — киваю в сторону зала.

— Ром, все с этого начинают. Думаешь, мои парни пришли уже готовые? — вступает Даня. — Ты построже с ними, спуска не давай. Евгенич не вмешивается?

Хмыкаю над иронией. Сергей Евгеньевич, наш общий тренер, мою команду и за команду-то не считает. Она вообще ему как пятая конечность — только место занимает. Вот и отдал этих оболтусов на полное мое попечение, пожелав удачи. То есть я должен был стать капитаном, наставником, помощником в конце концов. А стал нянькой. Тренер даже не появляется в нашем цирке, будто он вообще просто мимо шел, когда команду собирали. Я все понимаю — возраст, завершение спортивной карьеры, не смог отказать Дане, меня хотел переманить к себе. Но блин... Почему у всех всё сложилось удачно, а я остался в дураках?

— Ты же знаешь, что в его сердце место только для твоей команды, — ворчу я. — Вообще не понятно, для чего ты меня дернул.

Даня хватает меня за плечо, пытаюсь зафиксировать мой

взгляд на себе. Смотрю на его серьезное выражение лица, но раздражение не отпускает меня. Трудно собраться, когда реальность совсем не соответствует твоим ожиданиям.

— Я тебя дернул, потому что ты отличный капитан. Мне с ними тренироваться нельзя — мои нервы точно этого не выдержат. А ты справишься. Но на следующую тренировку я приду, посмотрю, кто там у тебя буйствует.

— А потом что? Задницу им в школе надерешь?

— Может, и надеру, — кивает Даня и убирает руку. — Может, и не в школе, а сразу в зале.

Смотрю на взволнованные, жалостливые глаза Леры и подмигиваю ей. Она немного расслабляется, и я вместе с ней.

— Ладно, пошли на твою игру, хоть с нормальными пацанами по полю побегаю, — говорю я.

Даня кивает, подхватывает Леру за плечи, и мы, пряча лица в воротниках, плетемся на игру. Мне грех жаловаться — я давно мечтал попасть к Даниному тренеру, и когда они набрали новую команду, пришел как капитан. Но думал, это будет иначе — я слеплю из пацанов настоящих чемпионов, которые будут любить футбол так же, как и я. А в итоге мне дали кучку школьников, не умеющих совладать с эмоциями. Чтобы научить их, сначала нужно успокоить, заставить заткнуться, на что уходит какое-то невероятное количество времени. И когда я уже злой, готовый схватить палку и разогнать к чертям эту недо-команду, они успокаиваются. Хотя бы на время.

Тренер лишь пожимает плечами: а что я сделаю? Он, на самом деле, крутой — бывший игрок сборной региона, поэтому и команда первой школы лучшая по количеству побед. В этом есть и Данина заслуга — он сам собирал свою команду, часами оттапывал поле и не щадит никого. Может и наорать, и матом послать, и по шее дать. Его авторитет, я клянусь, имеет запах, который сразу вливается в нос, едва его команда появляется на поле. И пусть он стал более... мягким после того, как начался встречаться с Леркой и перестал был главным говнюком в школе, его по-прежнему слушаются.

Мы выходим к многоэтажке, во дворе которой большое, огороженное сеткой футбольное поле. Рядом толпятся пацаны — некоторые из команды Дани, других вижу впервые. Если это все, то пять на пять — вполне нормально. Здоровуюсь с парнями, и отхожу к лавочке, на которую уже пристроилась Лерка. Бросаю рюкзак рядом с ней, и она машинально хватает его пальцами.

— Охраняй. Там триста тысяч рублей, потом пересчитаю, — говорю ей.

— Ага, — улыбается она. — Небось только носки вонючие после тренировки.

— Точно! Триста тыщ и носки. Самое ценное.

Лерка хохочет, но рюкзак прижимает к себе. Оставляю её обниматься с моей вещью, и убегаю к пацанам. Что же, это должно быть интересно. Уже и холод так не волнует, и команда мелких дураков. Хочется поиграть по-настоящему,

ещё и с Даней в напарниках. Как главные соперники, мы умеем чувствовать друг друга, предугадывать шаги. Во время совместных игр это круто выручает.

Парни рассасываются по обеим сторонам поля, потом стандартный розыгрыш мяча, и команда соперников начинает первой. Первые минут десять мы разыгрываемся, разогреваемся, а потом летит первый гол в ворота соперников. Это было слишком легко, учитывая, что в нашей команде одни футболисты. В соперниках же явно любители, что за версту чувствуется по технике. А точнее, её отсутствию.

После гола противники становятся агрессивнее, особенно один из парней в черной большой кофте с шарфом на лице. Он выглядит как ниндзя, быстро бежит, толкается, нарушая правила, и это дико бесит. Я молчу, сдерживаюсь, чтобы не толкнуть в ответ. И мы получаем гол в наши ворота. Если перенести матч на нормальное, профессиональное поле, то этого гола, конечно же, не было бы.

Почувствовав, что могут победить нас, соперники начинают играть ещё агрессивнее. Этот бесячий парень толкает меня, бьет по ногам, и мое раздражение достигает пика. Кричу на него и матом, и всеми словами, что вспоминаю в этот момент, а он не реагирует. Ему вообще плевать, что я распинаюсь уже весь красный от злости! Он выхватывает мяч у меня из-под ног и бежит дальше, и я чуть-чуть не успеваю перехватить его за капюшон. Даня хлопает меня по плечу, призывая успокоиться, а я не могу. Понимаю, что это все-

го лишь дворовой футбол, что мы не на настоящей игре, но больше пяти лет на поле выдолбили мне правила на лбу.

Спустя почти час и миллион моих нервных клеток игра заканчивается ничьей. Мокрые, уставшие и грязные, парни удаляются с поля. А я не могу так просто отпустить этого наглеца, что совершенно не умеет себя вести во время игры. Широкими шагами дохожу до него, хватаю за плечо и резко разворачиваю к себе.

— Слышь, пацан, ты бы правила почитал, прежде чем на поле вылезать! — рычу я.

Парень стягивает шарф с лица, скидывает капюшон, и я застываю от шока.

— А тебе бы нервишки подлечить, ПАЦАН! — отвечает девчонка.

— Какого...? — лепечу и смотрю в ухмыляющиеся карие глаза напротив меня.

Тут же к нам подходят двое парней и останавливаются позади неё. Их взгляды нельзя назвать дружелюбными, мечутся между моим лицом и рукой, что до сих пор лежит на плече девчонки.

— В чем дело? — спрашивает один из них, по возрасту лет двадцати.

— Все нормально, парни, — говорит Даня за моей спиной и убирает мою руку.

Нифига не нормально! Я понимаю, гендерные равенства, все дела, но... девчонка на поле среди девятих пацанов?

Это как вообще?

Хотя трудно сказать, что это девчонка. Одета в мешковатый черный свитер, огромные спортивные штаны явно не её размера и черную шапку, под которой скрываются волосы. Отступая на шаг от прожигающих во мне дыру взглядов и поворачиваясь к Дане. Плевать. Девчонка и девчонка, и что я так всполошился?

— Пошли, Тох? — раздается за моей спиной.

— Да, уходим, — отвечает она, и мои глаза становятся двумя блюдцами.

Тоха? Она что — Антон? Хмыкаю от своей мысли, с трудом сдерживая смех. Даня смотрит на меня с упреком, не понимая причину моего веселья. Потом обходит меня и пожимает руки парням. Я замираю в ожидании продолжения, Даня пару секунд мешкает, но протягивает ладонь девчонке. Она без сомнений крепко цепляется в его пальцы, расправив плечи. Забавно.

Засовываю руки в карманы и ухожу с поля, чтобы не пришлось делать тоже самое. Она меня пинала весь матч, я чуть не порвал кофту, свалившись на забор, и жать руку точно не было желания. А сам иду и думаю о том, что эта Тоха играет лучше команды, с которой мне приходится няньчиться. Ей бы правила объяснить, и тогда она точно уделает меня на поле. Наверное. Не хочу об этом думать. Но почему-то думаю.

Читать можно отдельно, но для знакомства с клю-

**чевыми персонажами лучше начать с книги "Новень-
кая" <https://litnet.com/shrt/WjrI>**

**Дорогие мои читатели! Обновления будут часто.
Поддержите «звездочками», комментариями и под-
пиской!**

Глава № 2 Тоня

Возвращаемся с Диманом домой, и я сразу скидываю мокрые, грязные вещи. Ныряю в шкаф за чистой одеждой и, не глядя, вытаскиваю черную футболку и шорты. Скребу ногтями кожу под волосами — после шапки хочется чесаться вилами, но по-другому нельзя. Узнай команда соперников, что я другого пола, начали бы носы воротить и возникать. Терпеть это не могу. Сначала они называют тебя девчонкой, потом списывают со счетов и всё, ты — как бракованный или просроченный товар, на который даже смотреть не будут. Сколько раз на футбольном поле я слышала насмешки в свой адрес — мол, куда лезешь с пацанами тягаться. Так я и выработала привычку прятать волосы и лицо до окончания матча.

Я всегда играю с друзьями Димана, и парни давно привыкли ко мне. Знают меня чуть ли не с пеленок, а если кто новый появляется, то сразу принимают за «своего». Поэтому и зовут меня Тохой, чтобы не отличалась от других — и меня это вполне устраивает. По внешнему виду меня сложно отличить от пацанов, мои половые признаки прячутся за широкой одеждой, а лицо я скрываю капюшоном.

Бросаю вещи в стиралку и выползаю на кухню, выполненную в советском стиле. На самом деле, это было сделано не специально, просто наша квартира давно не видела ремонта,

и если в наших комнатах пару раз менялись обои, то кухня так и остается без изменений. Отец всегда говорит, что это дорого, сложно и нет времени. Ну а нам, собственно, плевать. Сразу ныряю в холодильник в поисках чего-нибудь съедобного, но нахожу только уже откушенную мной колбасу. Кусаю с другой стороны и зажмуриваю глаза от того, как медленно отступает голод. Я сегодня вроде только завтракала, а после школы так и не удалось поесть.

— Фу, хорош, — ворчит брат за моей спиной и выхватывает у меня батон колбасы.

Отрезает большой кусок со следами моих зубов и сует мне в руку.

— Нож! — поясняет Диман и показывает лезвие. — Чтобы отрезать кусочки от еды.

— Не нуди, — отмахиваюсь я и ухожу в комнату, дожидывая колбасу.

В комнате с плотными шторами падаю на кровать и смотрю на стену перед собой. На ней развешаны постеры с группами Металлика, Рамштайн, Кино. Вырванные из журналов плакаты уже выгорели на солнце, покрылись пылью, но снять их никогда не поднимется рука.

Брат никогда не слушал современную музыку, на попсу, что играла в телефоне Димки, закатывал глаза. У него стояли на повторе песни Виктора Цоя и Битлз. Я слушала вместе с ним, и могу теперь спеть наизусть «Группа крови», «Кукушка», а «Звезда по имени солнце» много лет стоит на звонке

моего телефона.

Смотрю на изношенные, старые обои со следами моего присутствия и вспоминаю, как пробиралась в комнату брата и втихую рисовала сердечки фломастером. Отец предлагал сделать ремонт в этой комнате, но тогда она утратит свою главную ценность. Запахи. Атмосферу. Ощущения, что настоящий хозяин этой комнаты когда-нибудь вернется. И пусть Илюха ушел туда, откуда никогда не возвращаются, я не готова изменить эту комнату. Она стала моей сразу после его смерти, еще когда подушка хранила аромат его шампуня и лосьона после бритья. Тяжелое, большое одеяло для меня настоящее спасение — под ним я всегда хорошо засыпаю, как в объятиях.

Поворачиваюсь на бок и смотрю на футбольный мяч, что валяется в углу. Наверняка на нем уже такой слой пыли, что можно лепить фигурки, как из песка, но я никому не позволяю его трогать. Этот мяч лежит уже больше года на том же самом месте, где его когда-то оставил Илья. Он так любил футбол — больше, чем что-либо. И этот мяч мы подарили ему с Диманом, купив на карманные деньги. Брат тогда был так счастлив, будто мы целый мир ему положили к ногам. Никому не позволял играть с ним, брал только на особенные матчи и берег как своего ребенка.

В прихожей хлопает входная дверь, и раздаются тихие голоса. Я не прислушиваюсь, зная, что это отец вернулся с работы, и Диман ему рассказывает последние новости. Через

пару минут открывается дверь в мою комнату и заглядывает папина голова.

— Тонь, — говорит отец и заходит в комнату. Садится рядом со мной на кровать. — Я поговорил с дядь Сережей, он возьмет тебя в команду. Там мальчишки одни, но не думаю, что это для тебя помеха.

— Пофиг. Ты же не думал, что я с девчонками хочу тренироваться?

— Ещё сегодня звонил твой классный руководитель, — продолжает отец. — Опять драка?

Я вздыхаю и утыкаюсь взглядом в потолок. Драка! Подумаешь, влепила по щеке одному выскочке, а он сразу ябедничать побежал. Это так по-пацански, что зубы сводит. Знала бы я, что он жаловаться пойдет, на одной пощечине бы точно не остановилась.

— Тонь, — ласково говорит отец. — Пора превращаться в прекрасного лебедя. Ты такая красивая девочка, а ведешь себя хуже Димки.

Я фыркаю и приподнимаюсь на локтях. Смотрю в добрые отцовские глаза — такие же карие, как у меня и братьев, только с парочкой морщин возле уголков.

— Серьезно, пап? Я выросла в окружении трех мужчин. Если кошку воспитает стая собак, то она загавкает.

— Может, пора вспомнить, что ты все-таки кошка, а не собака? Начать с гардероба, например.

— Нет! — говорю я и падаю обратно на подушку.

— Ты не можешь всю жизнь носить вещи Ильи, — осторожно говорит отец, зная, насколько это болезненная тема для меня. — Тоня, мы все по нему скучаем. Но, может, пора отпустить его?

Я злобно ухмыляюсь. Сколько раз за этот год я слышала подобные слова — не сосчитать. Брат, отец, родственники — только ленивый не сказал мне о том, что я слишком сильно цепляюсь за прошлое. Что должна жить дальше, оставив Илью только в памяти. А если я не хочу? Если старший брат был для меня всем? С Димкой у нас никогда не было такой дружбы, как с Ильей. Ни с кем не было. И вряд ли будет, потому что второй раз так привязываться к человеку я не собираюсь.

— Пап, а может пора отстать от меня с такими предложениями?

Отец вздыхает, понимая, что спорить со мной нет смысла. Я отворачиваюсь от него, показывая, что разговор закончен. Смотрю на мяч, и снова меня одолевает тоска. Но слез нет. Я никогда не плачу.

Я люблю отца. Он сделал невероятное — воспитал трех детей один, когда умерла мама. Мне тогда было чуть больше года, и я совсем не помню её, знаю только по старым фотографиям. Димке уже исполнилось три, а Илье — шесть. Оставшись с орвой детей, отец не опустил руки, не спихнул нас на бабушек, а поднял, дал все, что было необходимо. Жили мы, конечно, не богато всегда, но не жаловались.

Не зная, как обращаться с девочкой, отец воспитывал всех одинаково. Я донашивала вещи за братьями, играла в их игрушки и даже дружила с их друзьями.

Только когда мне стукнуло четырнадцать, отец схватился за голову: у него не два сына, а три! Попытался что-то изменить, но было поздно. Я дралась наравне с пацанами, всегда носила мужские футболки и ни разу в жизни не красила ногти. И пока мои одноклассницы обсуждают косметику и парней, я гоняю мяч с мальчишками. Я даже не умею дружить с девочками, особенно с теми, кто учится в моем классе — вечно дующими губы, флиртующими, плаксивыми. И о чем с ними можно говорить?

Другое дело парни — футбол, драки, машины, мотоциклы: вон сколько крутых тем для обсуждения. Я могу отличить Ямаху от Дукати, но не знаю, что такое хай что-то там из косметики. Я легко назову все детали автомобильного мотора, но никогда не угадаю, какой марки у человека духи. А девочки из моего класса постоянно говорят об этом — вот Воронов пахнет бергамотом, а у преподавателя точно Кензо. По мне, так люди пахнут либо чем-то сладким, либо резким, как пена для бритья, либо потом. Правда, на поле сегодня тот парень, что схватил меня, кажется, от него пахло мандарином или грейпфрутом. Или лимоном. Или вообще мне показалось. Какая, в конце концов, разница?

Моя школа находится рядом с домом — и это единствен-

ная причина, по которой я в ней учусь. Когда-то давно отец рассуждал логично: чтобы никого не обременять, стоит отдать ребенка в ближайшее учебное учреждение. По этому же принципу здесь учились Илья и Димка, а потом засунули и меня.

— Так здорово, — улыбался отец, пытаясь нацепить на мою голову белый бантик первого сентября. — Будешь с братьями ходить в школу и со школы.

Я, наряженная в какую-то бесформенную белую блузку с пышными рукавами и длинный черный сарафан, радостно кивала. Действительно, что может быть лучше для шестилетнего ребенка, идущего в первый класс, чем учеба со своими братьями за стенкой? В предвкушении, что у меня появятся свои собственные друзья и я смогу гулять в компании не Димана, а рядом со сверстниками, я поплелась в школу, держа одной рукой папину ладонь, а второй — красную розочку в целлофане. Это был важный день — он предвкушал перемены, новую, взрослую жизнь. Я шла с улыбкой, даже не обращая внимание на колючие рукава дурацкой блузки.

Вернулась я в тот день в порванном сарафане, испачканной блузке и с вырванным клоком волос. Драка в первый день учебы? Легко. Поставить на место задиру, что пытался сдернуть с моих волос бантик, криво, но заботливо повязанный папой? Запросто. С первого дня учебы я поняла, почему мои братья вечно ходили побитыми, стали грубыми и жестокими. Дело было в ней — в школе, куда нас привел отец.

Уже позже я узнала, что моя школа имела дурную славу в городе. Здесь есть несколько классов коррекции, куда попадают те, кому нельзя учиться рядом с нормальными детьми. Сюда приходят и те, кого отчислили из других школ, не берут из-за прописки или по каким-то другим причинам.

Это не школа. Это тюрьма, замаскированная под школу.

Конечно, визуально вряд ли можно сказать, что двадцать процентов учеников стоят на учете в полиции. Или что им восемнадцать, а они все еще в девятом классе, потому что несколько раз оставались на второй год. Внешне мы выглядим, как обычные школьники, разве что форму не носит никто — попробуй заставь. Нас не отправляют на конкурсы, олимпиады, и даже нет собственной команды по футболу и баскетболу. Здесь другой мир, с другими правилами. С детьми, которых за глаза называют «отбросами». И никто из родителей не жалуется — потому что какой смысл? Ну приходили к нам много раз с проверками, меняли директоров, пытались диктовать детям какие-то условия. А потом просто забыли про нас, ведь только сюда можно спихнуть тех учеников, которым нет места в обычных школах.

Несмотря на это печальное обстоятельство, моя школа мне нравится. Она позволяет мне быть собой и не подстраиваться под стереотипы. Она научила меня драться и защищать себя, доказывать свою точку зрения не словами, а кулаками. Конечно, каждая потасовка фиксировалась, потом делался звонок родителям, и на этом все воспитательные меры

заканчивались. А, еще несколько раз в год к нам приходил психолог чисто для галочки.

Как раз сегодня этот день настал. Меня дергают с первого урока, и я без возражений тащусь к мозгоправу, что снова задаст парочку дурацких вопросов, а потом поставит в моем деле отметку о проведенной беседе. Это так глупо, если честно. После визитов в нашу школу психологу самому требуется помощь психолога, особенно учитывая его преклонный возраст и дергающийся глаз.

Толкаю дверь кабинета без стука, влетаю и тут же застываю на месте. За столом сидит не тот старик, с которым я знакома с пятого класса, а девушка лет двадцати пяти. Симпатичная, в белой блузке с маленьким черным горошком, идеальным пучком на волосах и легким макияжем.

— Проходи, — шелестит ее мягкий голос, и я осторожно сажусь на стул. — Меня зовут Елена Дмитриевна, я новый психолог.

— А Пал Леонидович всё, в ящик сыграл? — хмыкаю я.

— Он ушел на пенсию, — спокойно поясняет психолог без упрёка в сторону меня. — Как ты хочешь, чтобы я к тебе обращалась?

— Антонина Вячеславовна, — веселюсь я.

Девушка делает какую-то пометку на листочке, и я вытягиваю шею, чтобы рассмотреть ее каракули.

— Хорошо, Антонина Вячеславовна, у тебя очень красивое, редкое имя.

— В честь бабки назвали, — говорю я и достаю телефон.
— Но вообще я пошутила, конечно. Зовите меня просто Тоня.

Она снова что-то чиркает и поднимает на меня свои красивые ярко-голубые глаза.

— Я читала твою характеристику, — говорит она, а я смотрю на экран телефона. — Ты хорошо учишься, но часто возникают конфликты с другими учениками. Расскажешь, почему?

Я невинно пожимаю плечами. У меня нет ответа на этот вопрос, потому что всегда разные причины этого.

— Вы же понимаете, Елена как вас там я забыла, что вы пришли в школу, где учатся одни отморозки. Я в их числе. А таким обычно не нужен повод, чтобы начистить лицо кому-то. Это как... — я замолкаю, пытаюсь подобрать слова. — Потребность. В животном мире все добывается силой, и слабые никогда не выживают в природе.

— Но эволюция сделала из животного человека, наделила разумом, способностью к сочувствию и пониманию. Доказывать что-то физической силой нет нужды.

— Мой брат всегда говорит... — я осекаюсь и делаю глубокий вдох: — Говорил, что сила — это твои права на жизнь. Как паспорт. Можно жить, но очень ограниченно. В животном мире самки съедают или убивают своих слабых и больных детей, освобождая их от осознания, что мир никогда не будет к тебе благосклонен.

Психолог скрещивает пальцы рук и кладет их на ребра ладони на стол. Смотрит на меня с интересом, будто я — редкий экспонат. В ее глазах нет осуждения или презрения, как было с Павлом Леонидовичем, есть только любопытство. Теплый взгляд делает ее похожей на мою маму с черно-белой фотографии, что хранится в моем фотоальбоме. Но она не мама. Никто не мама.

Мне становится интересно — через сколько дней или даже учеников ее доброта исчезнет из голубого океана под черными ресницами. Сколько нормальных учителей сбежали отсюда, не выдержав травлю со стороны учеников — не вспомнить. Остались только самые стойкие, которые не боятся и матом на ученика рывкнуть, а иногда и за шкуру из класса выгнать.

Мне не хочется ей хамить, грубить, но все эти разговоры — пустое. Такое же бесполезное занятие, как выковыривать грязь из-под моих ногтей.

— Тоня, ты очень умная и рассудительная, — говорит она. — И твоя точка зрения не лишена смысла. Только почему ты сравниваешь себя с животными?

— А люди разве не животные? — хмыкаю я. — Все мы из одного мира. Просто у людей не так хорошо работают инстинкты.

— Ты считаешь себя сильной?

— Я? Ну... — протягиваю я и смотрю в потолок. — Отчасти. Может, да, а может, нет. В каких-то моментах я силь-

ная, а в каких-то...

Большой палец машинально несется ко рту, и я цепляюсь зубами в ноготь. Сильнее давлую, откусывая отросшую часть. На зубах хрустит ноготь и песчинки грязи. Если бы я была достаточно сильной, то в тот день, в тот проклятый день, я бы смогла остановить Илью. Не дать ему сесть на этот чертов мотоцикл, удержать его, зная, что транспорт неисправен. Брат был жутко упертым, и мои просьбы он даже не услышал, потому что я всегда была слабее его.

Я быстро убираю руку и вытираю слюни об джинсы. Впи-
ваюсь пальцами в бедро до боли, крепко сжимая зубы, чтобы не ахнуть. Только после этого меня немного отпускает.

— Зачем ты это делаешь? — тихо спрашивает психолог.
— Причиняешь себе боль?

— Вам показалось, — спокойно говорю я. — Нога просто болит, на футболе вчера повредила.

Она мне не верит, конечно, но плевать. Я не обязана отчитываться, рассказывать, делиться. То, что сидит внутри меня, так там и останется. Потому что самая большая человеческая глупость и слабость — это доверие.

Глава № 3 Рома

Иду на тренировку, как на казнь. И зачем я на это подписался? Уже думаю, надо отказаться, вернуться в свою бывшую команду, где я тоже был капитаном, но хотя бы нормальных парней. А теперь я не могу ни на соревнования заявиться, ни мяч погонять с достойными соперниками. Иду мимо магазина детских товаров и едва сдерживаюсь, чтобы не купить соски и слюнявчики. Будь я Даней, прежним Даней, так и сделал бы. Но я ведь не он! И не хочу стать таким, каким он был раньше — злым, заносчивым идиотом.

Благодаря Лерке он стал другим. Остался королем школы, капитаном футбольной команды и просто крутым парнем. Но теперь он белый и пушистый ангелочек, который не просто не участвует в травле, но и всячески пресекает её. Его влияние никуда не делось, даже когда он перед всей школой признался о том, что вырос в неблагополучной семье и влюблен в девчонку — лузера.

Вспоминая, как мы с Леркой клеили обои в его доме и прикрывали перед опекой, дохожу до спорткомплекса. Сразу ныряю в раздевалку и сталкиваюсь со своими оболтусами. За болтовней они даже не замечают меня, а когда видят, через секунду снова возвращаются к трепле. Боже, как же они любят поговорить! Будто им рты разрешено открывать только во время занятий спортом. Причем несут всякую фигню, хо-

ты уже по 14-16 лет, но разговоры из разряда «дали телефон поговорить с бабушкой, и нужно ей хоть что-нибудь рассказать».

Качаю головой и выхожу в зал, где уже строятся мои детсадовцы. Жду, пока выстроятся в линейку, успокоятся и перестанут спорить — кто выше. Терпеливо жду, даже не пытаюсь их успокоить — они тратят не только мое, но и свое время. Молчу и смотрю, мечтая, что под рукой окажется скотч, и я залеплю рот каждому. А после окончания тренировки сдерну липкую ленту вместе с первыми волосками под носом. Интересно — такое вообще законно?

Позади меня хлопает дверь, и малышня разом затыкается. Я оборачиваюсь и вижу причину их восхищенных взглядов — сам Кириллов Даниил пожаловал на тренировку, царь и бог их школы. Он не подходит, остается у входной двери с Леркой, наблюдая со стороны. Детсадовцы, понимая, что их король не опасен, снова начинают галдеть. Жду, когда они прекратят испытывать мое терпение, а их ломающиеся голоса перестанут сверлить мой мозг. Кричать на них нет смысла, пока все истории не будут рассказаны — проверено. Я с таким же успехом могу покричать на стенку, только голос сорву.

— А что происходит? — раздается громкий голос Дани, и часть команды замолкает. — Что за шум на тренировке?

Даня двигается в нашу сторону, и позади снова хлопает дверь. Ожидая увидеть опоздавших, не оборачиваюсь. Но

слышу голос тренера и моему удивлению нет предела. Сам Сергей Евгеньевич заявился на мою тренировку? Решили устроить коллективную порку малышне, что не может успокоиться? Ну что же, пусть.

— Ребята, принимайте в вашу команду нового игрока, — говорит тренер, и я закатываю глаза.

Но пацаны замолкают, и я поворачиваюсь. Я думал, меня ничем нельзя удивить. Как человек, выросший в семье верующих родителей, я любое чудо природы могу списать на небесные силы. Ну вроде плачущих икон, светового кольца на облаках и прочего. Но то, что сейчас рядом с тренером стоит та самая девочка со вчерашней игры, я не могу объяснить ни земными, ни небесными законами.

— Это Тоня, моя племянница, — добавляет тренер.

Так вот оно что. Тоня, значит, а не Антон. Ну это хоть что-то объясняет.

— Руками не трогать, не обижать. Роман, под твою ответственность, — добивает тренер.

Я только вздыхаю на это. Тоня смотрит на меня исподлобья и хитро щурит глаза, улыбаясь одним уголком рта. Видимо, узнала. Я бы тоже её узнал даже не по огромным темным глазам, а по огромным вещам. Серая батина футболка болтается так, будто это мешок из-под картошки. Из-под неё выглядывают широкие спортивные брюки, закатанные у щиколотки. Черные волосы собраны в тугий низкий хвостик длинной до лопаток. Ни грамма косметики. Ни капли женствен-

ности. Пацанка.

Тренер подталкивает Тоню к команде, и она пристраивается к парням. Они сначала с интересом смотрят на неё, а потом быстро теряют интерес. И только за тренером закрывается дверь, снова начинают галдеть. А мне этот цирк нравится ещё меньше. Мало того, что детский сад тренировать, так ещё и девчонку. Так она ещё и родственница тренера. Господи, ну за что мне это?

Уже и шум не так раздражает, и то, что мы пятнадцать минут пытаемся настроиться на тренировку. Я хочу уйти.

Из-за моей спины быстрым шагом выныривает Даня и направляется напрямик к самому шумному пацану — Юрке из восьмого класса. Тот замирает от грозного вида, хлопает испуганными глазами. Даня, не останавливаясь, хватается за ухо и выдергивает вперед.

— А ну пошел отсюда, — говорит он и толкает его к входной двери.

— Я понял, — бубнит Юрка. — Замолкаю.

— Я вас брал в команду с каким условием? — рычит Даня. — Какого вы тут устраиваете?! Болтать за дверь проваливайте!

В зале наступает тишина. Все смотрят с легким испугом, и только в глазах девчонки искрится интерес. Она с любопытством и легкой улыбкой смотрит на Даню, пока он окидывает взглядом каждого.

— Мы хотели к тебе в команду, — говорит Юрка с оби-

дой.

— Ко мне в команду? — хмыкает Даня и делает шаг к нему. — А что ты сделал, чтобы попасть туда? Языком мелешь? Приди хоть раз ко мне на тренировку и посмотри, как мы занимаемся. Я ненавижу болтунов! И я не Роман, терпеть ваше поведение точно не стал бы!

Даня подходит ко мне, и ещё раз окидывает всех взглядом.

— Мы хотели заявить вашу команду на соревнования в декабре, но вижу, что вам только на кружок очумелых ручек стоит идти, — говорит Даня.

Тоня фыркает и улыбается, глядя на Даню. Я оборачиваюсь на Леру — она вообще видит, что её парня другая девчонка разглядывает? Судя по скрещенным рукам и недовольному лицу, видит.

— Вам дали классного капитана, вы вообще в курсе, что по голам он лучший в прошлом сезоне? Я могу забрать его в свою команду, а вам дать другого парня, с которым вы так и останетесь безымянной командой. Хотите?

Пацаны дружно машут лохматыми башками, и Даня кивает.

— Значит, тренируйтесь нормально! И не заставляйте меня сидеть тут с вами! — рывкает Даня. — Командуй, Ром.

— Ну, побежали, — говорю я, и команда дружно начинает движение вокруг зала.

Даня провожает их взглядом, хлопает меня по плечу и возвращается к Лерке. Я иду за ним, и по моей улыбке

она понимает, что я собираюсь её подколоть. Хмурится ещё сильнее, кидая взгляд то на нас с Даней, то на девчонку.

— Кажется, у тебя... — начинаю я.

— Молчи, — ворчит Лерка.

Даня хватается её за плечи и смотрит на бегающую Тоню.

— Не жалея их, — говорит он. — Выгоняй сразу. Найдем других.

— Да после твоей речи они вообще вряд ли рот теперь хоть где-нибудь откроют, — фыркаю я. — Разве что новенькая. Специально, чтобы ты пришел снова поорать.

Лера возмущенно смотрит на меня с обещанием расплаты.

— Значит, придется прийти, — подхватывает Даня мою игру.

— Ну вы и засранцы, — рычит Лера.

Даня смеется, прижимает её к себе и целует в волосы. Потом они прощаются и уходят, а я возвращаюсь к команде, которая старательно бегаёт вокруг зала. Сталкиваюсь взглядом с Тоней, и она тут же отворачивается. Интересно. Девчонка в команде — и что же из этого получится?

После короткой разминки разделяю команду по парам и отрабатываем стандартные приемы: ведение, передача разными способами. Смотрю на работу пацанов и понимаю, что все-таки два месяца моих стараний прошли не совсем впустую. Когда они только появились в этом зале, умели только лупасить по мячу носком, а сейчас хоть немного усвоили

урок. Базу нам с горем пополам удалось одолеть. Ну или почти.

Подхожу к Тоне, и она вздергивает подбородок.

— Носок второй, не ведущей ноги должен смотреть в сторону удара, — спокойно объясняю я. — Тогда удар будет точнее.

— Без тебя знаю, — тихо говорит она.

— Знаешь, а делаешь по-другому. И мяч у тебя подлетает. Бей по его верхней части, направляя слегка вниз.

— Слушай... — пытается возразить она, прожигая меня взглядом.

— Слушай, правила дворового футбола здесь не действуют! Хочешь научиться играть по-настоящему, значит, слушай меня!

Я начинаю злиться. Даня тут мой авторитет подрывать приходил, ещё и девчонка пытается наступить на мою гордость.

— Давай один на один и посмотрим, кто умеет играть, а кто пытается доминировать! — язвит Тоня.

— Пока ты не научишься играть по правилам, я с тобой на поле не выйду. Я видел, как ты играешь. Попади ты на настоящую игру, в первые минуты тайма получишь все карточки, какие только можно.

Она смотрит на меня с ненавистью, но Даня прав — никакой жалости. Если они понимают только грубости, то чтобы получить команду мечты, я буду грубым.

— А если ты хочешь играть по своим правилам, я могу подсказать, где тренируют девчонок, — добиваю я и отворачиваюсь.

— Козел, — доносится из-за моей спины.

Я качаю головой и ухожу к окну снова наблюдать за работой команды со стороны. Пусть жалуется своему дядьке. Я либо добыю этих оболтусов до нормальной команды, либо свалю отсюда. Промежуточный вариант меня точно не устраивает.

Глава № 4 Тоня

Вот же идиот в белой наглаженной футболке! Сразу он мне не понравился — строит из себя больше, чем он есть на самом деле. Гоняю мяч, а сама поглядываю на него, на его белую футболку. Я никогда не видела такого белого цвета, честное слово! И ни одного залома на ткани. Такое вообще возможно? Машинально кидаю взгляд на свою футболку — маленькая дырочка на подоле, небольшое масляное пятно на животе. Илья всегда носил её на тренировки, называл счастливой, поэтому она сильно изношена. Да плевать. Я не обязана быть леди. Тем более, что не умею ей быть.

Но у чувака точно есть деньги. Иначе как объяснить, что он ходит в таких идеально чистых вещах? Он же парень, должен быть ну... хоть немного потрепанный. Или у него мобильная химчистка в рюкзаке?

Злюсь, что голова забита какой-то ерундой. Вчера думала, что от него пахнет мандаринами, сегодня — во что он одет. Пробегаю мимо него и хочу наступить на ногу со всей силы. Чтобы испачкать его идеально чистые, черт возьми, кроссовки! Он не человек. Он белоручка!

Пытаюсь успокоиться, не понимая, что меня так злит. Наверное то, что никто из мужчин в моей жизни не пытался мной командовать, кроме старшего брата. Но он свой, он родной. Даже отец никогда не разговаривает со мной таким

тоном.

Второй парень, дружок его, еще хуже. Но его манера разговора, его тон и прическа мне напомнили Илью. Я на мгновение даже растерялась, увидев в этом пацане брата. И сразу внутри крикнула привычка к подчинению. Слово Ильи для меня всегда было законом, и я никогда не могла спорить с ним. На любые попытки бунта он награждал меня таким взглядом, что сразу хотелось язык проглотить. Я уважала и боялась его одновременно.

Тренер объявляет перерыв, и я падаю на лавочку, хватая воду. Ещё даже игры не было, а я уже вся мокрая. И не я одна, судя по стойкому запаху пота в зале. Тело охватила усталость, но приятная, как легкая ломота в мышцах. Илья говорил: пока ты что-то чувствуешь, ты живешь. Поэтому он много занимался спортом, всегда приходил домой уставший и потом долго отсыпался.

— Сейчас игра будет, — прерывает мои мысли Рома, и я поднимаю на него глаза. — Руками не работаем.

Стискиваю челюсти и молчу.

— Вообще про руки забывай. Ни мяч, ни парней не трогаешь.

Я медленно поднимаюсь, чтобы не смотреть на него снизу вверх. Но и этого не достаточно. Я не маленького роста, но Рома все равно выше. И я встаю на лавочку, так, чтобы наши глаза были напротив друг друга. Он сначала с удивлением смотрит на это, потом хмыкает с улыбкой. Ему смешно. А

мне нет.

— Еще будут указания? — говорю я и всматриваюсь в изумрудные глаза.

— Посмотрим, — загадочно отвечает Рома.

Он проводит ладонью по волосам, а я машинально провожаю его руку взглядом. Боже, у него даже ногти чистые! Почему-то мои пальцы сжимаются в кулаки и прячутся за спину. Какое-то странное чувство неловкости сковывает меня, и мне хочется, чтобы он отвернулся и ушел. И он уходит, оставляя после себя только запах. Не мандарин. Грейпфрут. Горький и терпкий. Как он сам.

Игра проходит напряженно. Конечно, не толкать парней не получилось — от этой привычки придется избавляться. Они же не только не трогали меня, но и почти не давали пас. И это бесило до чертиков. Снова эти дурацкие стереотипы, поэтому без агрессии играть не удалось.

Когда в очередной я толкаю парня, но уже из своей команды, потому что он тупо игнорирует меня, раздражение достигает высшей точки. Он почти заваливается на пол, с трудом удержав равновесие. Смотрит на меня со злостью, готов наброситься, но его снова останавливает то, что я не пацан. А я хочу выплеснуть свою ярость, и сама налетаю на него, со всей силы толкая в плечи, пока он не врежется в стену.

— Ром! — возникает он. — Что за дела?

— Сразу мамочке жаловаться побежал, сопляк?! — рычу я, прижимая его к стене. — Слабо самому разобраться?

Он скидывает мои руки в тот момент, когда Рома подходит к нам.

— Вы перепутали залы. Уроки по самбо проводят этажом выше, — спокойно говорит он. — Шмотье свое взяли и ушли туда.

— А я что? — оправдывается парень. — Она толкается, налетает на меня!

— Нытик! — выплевываю я. — Ведешь себя как придурок! Я говорю пас мне дай, а ты меня игноришь! Слух тебе вылечить, может?

— Да пошла ты! — огрызается он.

Рома, не говоря ни слова, хватает нас за руки и тащит к двери. Я пытаюсь сопротивляться, но его хватка железная, пальцы крепко сомкнуты вокруг запястья, и вырвать его не получается. Тренер открывает дверь и по очереди выталкивает нас в коридор.

— Зайдете после окончания тренировки, — говорит Рома и захлопывает дверь.

Меня обдаёт холодом от сквозняка, и я вздрагиваю. Прижимаюсь плечом к стене и сжимаю зубы до хруста. Так меня ещё никто не унижал. Может, я и переборщила немного, это не дает ему права поступать со мной, как с пятилетним ребенком.

Злость закипает внутри, готовясь вот-вот вырваться наружу. И что он возомнил? Тоже мне командир чертов! Но заходить назад не решаюсь, даже чтобы позлить его. Парень пых-

тит рядом, и его ненависть такая же горячая, как моя злость.

Когда я немного начинаю остывать и успокаиваться, рядом оказывается дядька. Удивленно смотрит на нас, на наше наказание, как мы стоим практически в углу.

— Вы чего тут? — спрашивает дядя, и нытик открывает рот, чтобы пожаловаться.

— В туалет ходили, — говорю я. — Попросила Мишу показать дорогу.

— Я Костя, — с легкой обидой говорит парень.

— Да, точно, Костик, — киваю я и слегка улыбаюсь дядьке. — Вот решили заодно воздухом подышать, жарко там.

— Тренировка вроде уже закончилась, — говорит дядька и смотрит на часы. — Бери вещи, я тебя до дома докину.

Киваю, и возвращаюсь в зал. Костик плетется за мной, и мы сразу сталкиваемся с Ромой. Он хочет что-то сказать, но я прохожу мимо в раздевалку, хватаю рюкзак и натягиваю кофту. Замечательно прошла тренировка, ничего не скажешь. Если так весело будет каждый раз, то мне, возможно, даже понравится здесь.

Выхожу из уже почти пустого зала, где у входа меня дожидается дядя. Медленно выходим с ним на улицу, и у ворот снова сталкиваемся с Ромой и его друзьями. Хочу просто пройти мимо, но дядька останавливается, и мне приходится тоже. От скуки начинаю рассматривать девчонку. Хорошенькая она, не такая, как мои одноклассницы. Почти нет косметики на лице, одежда простая, неяркая — обычные джинсы

и черная куртка.

Потом рассматриваю ее парня. Он и правда чем-то похож на Илью, но когда не орет, выглядит добрым, спокойным. У брата всегда был холодный, пронизывающий взгляд. И улыбается этот парень как-то по-другому, не одним уголком губ, как Илюха.

Девчонка, заметив мой взгляд, сильнее цепляется за парня, и мне становится смешно. Серьезно? Она ревнует? Ко мне? Это же абсурд. Она вон какая симпатичная, милая на лицо, и я в потрепанной кофте, уже лохматая и в штанах, подвязанных веревкой.

Перевожу взгляд на Рому, и он тоже смотрит на меня. Хочется совершенно по-детски фыркнуть, скрестить руки и отвернуться, задрав подбородок. Только, кажется мне, ему все равно на мою гордость. Разве таким людям вообще есть дело до других? Он вон одет, как будто только что вышел из бутика. Небось у него стилист персональный есть, и домработница, и личный водитель, и что там ещё у богатых имеется в запасе. Видела в каком-то фильме, как они живут.

Наконец, дядь Сережа заканчивает болтать с парнями, и подталкивает меня к своей машине. Сажусь на переднее сидение и через окно вижу три пары глаз, устремленных в мою сторону.

Глава № 5 Рома

Отворачиваюсь от машины тренера, не понимая, зачем я вообще туда смотрел. Девчонка эта все нервы на тренировке вытрепала. Упертая, злая и... Вздыхаю, пытаюсь придумать хоть ещё какое-то оскорбление. Но на ум ничего не приходит, только какие-то странные мысли: несчастная? Грустная? Кажется, мне надо прекращать общаться с Лерой, пока не заразился ее синдромом спасателя.

— Что, Краснова, — бодро говорю я. — Когда его отобьют у тебя, ко мне можешь не подкатывать.

Лера кидает в меня суровый взгляд, Даня смеется.

— Ха-ха, — говорю я. — Будет тебе скоро ха-ха за то, что на других девчонок пялишься.

Гореть мне в аду за мои шутки, но они сами виноваты, что меня в покое не оставляют. Будто им вдвоем заняться нечем, кроме как меня после тренировок у ворот поджидать. Ухожу от них, чтобы не попасть в ад раньше времени, но они быстро догоняют меня.

— Ром, с ней что-то не так, — говорит Лерка.

— Не надо! Не начинай! Однажды я уже подписался на это, хватит.

— Я серьезно, — настаивает она. — Ты бы поговорил с ней.

— Зачем мне это, Лер? Это ты у нас спасаешь всех бедо-

лаг, а мне это не интересно. Мне своих проблем хватает.

— Каких проблем? — подхватывает Даня.

— Стадо баранов, считающих, что станут великими футболистами, например, — злюсь я.

— Я же вроде разрулил...

Я резко останавливаюсь и смотрю на друга. Неужели он правда не понимает? Или не хочет понимать?

— Вот именно, что ТЫ разрулил, а не я. А тренировать их должен я. Может, ты отстегнешь мне свой авторитет, чтобы я его в зал носил? — Смотрю на Даню, и злость набирает обороты. — Вообще не понимаю, в какой момент я стал пустым местом.

Лерка подходит ко мне, обнимает за спину одной рукой и кладет голову на плечо.

— Ну какое ты пустое место? Ты наш друг, крутой парень в школе и просто хороший человек, Ром.

Медленно выдыхаю, понимая, что сболтнул лишнего. Теперь она начнет меня жалеть, думать, что я слюняй какой-то.

— Я же сказал, чтобы ты ко мне не подкатывала, — фыркаю я, пытаюсь увести разговор. — Если мы с тобой целовались в школе, это ничего не значит.

У Лерки вспыхивают щеки, у Дани округляются глаза. Неловко вышло, однако.

— Ты ему не рассказывала, я так понимаю? — говорю я. — Вот и будет что обсудить, а я пошел домой, пока я стал

не пустым, а мокрым местом.

Оставляю парочку разбираться вдвоем, и быстрым шагом ухожу домой. Подумаешь, пару раз поцеловались на школьных дискотеках, когда учились вместе. Давно это было, за год до встречи с Даней. Мы тогда за одной партой с Леркой сидели, общались хорошо, влюблен в неё был. Она, правда, так и не узнала об этом, потому что мы быстро уяснили простую истину: мы можем дружить, а встречаться — нет. Так и перегорело всё, а потом я с семьей переехал к морю, а она — на север.

Ежусь от холодного ветра и прибавляю шаг. Солнце уже зашло, и полная луна рисует на асфальте длинную дорожку, пробиваясь сквозь кроны деревьев. Вокруг — почти идеальная тишина, лишь шелестят ветки, хлупает земля под ногами и вдали гавкают собаки. Никогда не любил одиночество, но почему-то сейчас в нем возникла какая-то странная потребность. Наверное, потому что одиночество — это когда ты один. Не второй, не запасной, не лишний. Ты первый и единственный. Для себя и мира, что окружает тебя. Не ждешь ничего, а просто существуешь на том островке жизни, что создал своими руками. Люди, окружающие тебя, лишь несут какую-то функцию, и уходят так же быстро, как приходят. Ты не просишь их остаться, не хочешь занять место в их сердце. Спокойно отпускаешь и тебе не больно.

Хмыкаю над собственными тупыми мыслями. И когда это я стал думать, как философ? Надо взять своих пацанов и по-

тусоваться где-нибудь, чтобы всякая ересь в голову не лезла.

Ворча над своей глупостью, захожу в квартиру и скидываю куртку. С кухни доносится приятный запах еды — что-то точно мясное и вкусное. Слышу тихие голоса родителей, обсуждающие какие-то важные дела. Или нет. Взрослые постоянно говорят о погоде, покупке постельного белья, работе, политике и другой ерунде. Иногда они интересуются моей жизнью, футболом, спрашивают об оценках и девчонках. Хотя нет, в личную жизнь ни отец, ни даже любопытная мама никогда не лезут. Можно сказать — идеальные родители. Как и вся моя жизнь — почти идеальная.

На кухне мама ставит мне тарелки с едой, и я тут же утыкаюсь в салат. Обожаю ее еду, никакая пицца не сравнится с тем, что готовится в этом доме.

— Ром, мы поговорить с тобой хотели, — нерешительно бормочет мама, и я киваю, не отрываясь от тарелки.

Минутная тишина начинает раздражать. Когда хотят поговорить, то говорят, а не молчат.

— У тебя скоро будет брат или сестра, — быстро выпаливает мама.

Вилка висит над тарелкой, взгляд утыкается в листья салата. Моргаю раз, два, жду продолжения. Но родители снова молчат. Ждут реакцию от меня, каких-то слов, радости в конце концов.

— Круто. Поздравляю, — говорю я без эмоций и снова запихиваю салат в рот.

— Ты не рад? — тихо спрашивает мама.

— Мне-то какое дело? — отвечаю с набитым ртом. — Через год я буду учиться в МВД где-нибудь в столице. Там же останусь работать.

— Вообще-то это тебя тоже касается, — вступает отец, явно недовольный моим ответом.

Хотя, о чем это я? Он вообще когда-нибудь бывает доволен? Пытаюсь вспомнить, но так и не получается. Мама донимает своей патологической любовью к чистоте, отец — вечными претензиями. И оба ждут чего-то от меня. Чуда какого-то. Будто моей высокой успеваемости, отличных показателей в спорте не достаточно, чтобы стать хорошим сыном.

— Угу, — киваю, подхватывают тарелку, быстро отмываю ее и ставлю на сушилку. — Спасибо за ужин. Пойду уроки делать.

И быстро ухожу, слыша позади себя тяжелый материнский вздох.

Лет в четырнадцать я дико ненавидел своих родителей, как, наверное, многие подростки. Их запреты, попытки наставить меня на путь истинный раздражали до зубного скрипа. Потом мой пыл поубавился, мы пришли к хрупкому перемирию, а когда я увидел родителей Дани, то и вовсе заужал своих. Отец — трудоголик, вечно работает, приносит неплохие деньги в дом. Мама — заботливая настолько, что до сих пор сама развешивает мои вещи на плечики.

Я люблю своих родителей, но это не мешает моему жела-

нию как можно быстрее сбежать из дома. Даже не знаю, почему. Может, хочется самостоятельности, может просто другой жизни. Поэтому и принял решение поступать в военное или в полицию, где в течение года будет только один стандартный отпуск. Казарма, форма, невкусная еда — мечта, не так ли?

Мне семнадцать, и я не знаю, чего хочу от жизни. У меня нет какой-то определенной цели или мечты. Я хочу либо всего и сразу, либо ничего. Когда меня спросят, почему я выбрал в качестве будущей профессию полицию, я не знаю, что ответить. Потому что хочу защищать людей? Нет. Нравится форма? Тоже вряд ли. Мечтаю сделать мир лучше? Вообще бред какой-то.

Когда я спрашиваю у друзей — чего хотят они, получаю почти всегда стандартный ответ: много денег. Желательно при этом совсем не работать. Девчонки мечтают стать блогерами, актрисами, моделями, чтобы красота, подаренная природой или косметикой, не пропала зря. Жаждут внимания, славы и... много денег, конечно же.

Я же никогда не мечтал о богатстве. Может, потому что мы всегда жили в достатке, и деньги стали для меня как само собой разумеешья. Или просто я не от мира сего.

И вот теперь, услышав новость о появлении второго ребенка в нашей семье, во мне взыграл эгоизм. Делить внимание родителей с кем-то еще? Знать, что я не единственный? Вот уж точно такой подставы я не ожидал. И что им в го-

лову взбрело, родителям уже по сорок лет, и хотя они оба в прекрасной форме, рождение ребенка точно не прибавит здоровья.

Я снова начинаю злиться. Что вообще происходит в последнее время? Почему мир вокруг меня так быстро и сильно меняется? В какой момент перед камнем судьбы я выбрал не то направление?

В попытках успокоиться беру телефон и хочу набрать Лерке сообщение. Надо бы извиниться за то, что ляпнул, не подумав. Но быстро отгоняю эту мысль. Не за что мне извиняться. Данька не дурак, и хоть он ревновал ее ко мне, должен понимать, что я ему не соперник. Вместо этого захожу в группу своей команды и нахожу Тоню. Кликаю на её аватарку, но ничего интересного — белый фон и на нем черные полосы. Ни одной личной фотографии. Только какие-то абстракции, либо ничего не значащие картинки. И это ещё интереснее, зная любовь девчонок к фотографиям. Но чему я удивляюсь? Она же не обычная девчонка, а очень-очень странная.

Прихожу в школу практически со звонком и сразу усаживаюсь на свою последнюю парту рядом с одноклассницей. Урок литературы и рассадка, обозначенная классным руководителем, соблюдается всегда. Вообще наша школа — одна из лучших в городе, пример для подражания. Форма, белые рубашки, наши лица в новостях — все это прибавляет очки

популярности заведению и директору. Попасть сюда в десятый класс можно только после конкурса, с хорошей успеваемостью и после психолога. Помогло ли это, или может родители деньгу сунули — я не знаю. Но меня все устраивает, потому что как бы я ходил в идеально чистых, всегда выглаженных рубашках в обычную школу, даже представлять не хотелось.

— Ну, Морозова, на свиданку пойдем или, как всегда, будешь нос воротить? — говорю с улыбкой соседке по парте.

Милана моим игривым подкатам уже не удивляется. И не то, чтобы она мне нравилась... Она симпатичная. Милая. В ней полный набор женственности — нарисованные брови, наращенные ресницы, плотный макияж и юбка. Ее светлые крашеные волосы всегда идеально уложены в крупные кудри и пахнут лаком. Сама она душит какими-то сладкими духами с цветочным ароматом. Настоящая, стереотипная девчонка — полная противоположность той, что вчера чуть не устроила драку в спортзале.

— Пошли, — внезапно говорит она, и я удивленно вскидываю брови. — Если не прикалываешься.

— Я сама серьезность! — почти честно говорю я. — Куда пойдем: на набережную или в парке на качельках покатаемся?

— Долгов, — выдыхает Милана и поворачивается ко мне всем корпусом. Пристально смотрит своими темно-голубыми глазами. — Если ты собрался меня по холоду таскать, то

сразу иди нафиг.

— Ладно, — соглашаюсь я. — Разобью свою копилку и угощу тебя кофе с пирожком.

Милана вздыхает, но лицо трогает легкая улыбка. И зачем она согласилась, я же в шутку сказал? А теперь назад дороги нет, придется вести ее в кафешку и строить из себя культурного парня. Ну ладно, может мне даже это понравится.

Дорогие мои читатели! Спасибо за ваши лайки и комментарии! В моем профиле вы найдете ссылку на мою страницу в Телеграм. Подписывайтесь – будут арты, розыгрыши и промокоды на Литнет.

Глава № 6 Тоня

День не задался с самого утра. Сначала Диман спалил яичницу. Вонь и дым заполонили кухню так, что пришлось распахнуть все окна. У него точно не было настроения, потому что когда я пошутила, что квартира у нас всего одна, он рывкнул на меня непривычно злым тоном:

— Баба в доме ты! И ты должна этим заниматься, а не я!

От его слов я отшатнулась, как от раскаленного железа. Баба? Даже не девушка и не женщина, а баба! Такие словечки были в сленге Ильи, но Димка, как более спокойный брат, никогда не позволял себе таких слов. Особенно в мой адрес. Я, конечно же, обиделась на него, и молча ушла в школу в провонявшей одежде.

И вот я, с уязвленным самолюбием, плохим настроением и запахом горелых яиц в носу иду в школу. И что нашло на брата? Ладно, чужие люди постоянно пытаются мне тыкнуть в то, что я дама, но, чтобы от своих это услышать — такое впервые. Отец тоже постоянно намекает: Тоня, пора становиться девочкой, но делает это не обидно. Братья же, наоборот, всегда давали мне свои машинки, учили драться и матерным словам. Они сами вырастили из меня пацана, а теперь Диман вдруг вспомнил, что я сестра ему. А дальше что? Заберет у меня вещи Илюхи и заставит одеваться в платья? Мерзость какая.

Прихожу в школу уже красная от злости. На крыльце стоят одноклассники, и среди них Захар, которому я на днях по морде влепила. На щеке еще красуется синяк, и это хоть немного поднимает настроение. Надо было сильнее бить, чтобы вообще никогда не прошло.

— Эй, Семенюк! — кричат пацаны и хватают меня за кофту.

Кривлю лицо, а хочу плюнуть. Держусь с трудом, но руку с себя скидываю. Пацаны толкают меня к стене и окружают, пытаюсь напугать. Мимо проходят ученики, учителя, и никто не вмешивается. Мне не нужна защита, а им не нужны проблемы.

— Думаешь, тебе все можно? Раз девчонка, значит, ответку не получишь? — нависает надо мной Захар.

— Нет, я думаю, что ты мудака! — рычу я и пытаюсь оттолкнуть его.

Он перехватывает мои руки и крепко сжимает. Вырываюсь, но его дружки перехватывают мои запястья и не дают пошевелиться. Смотрю волком на Захара, а он упивается моей незащищенностью. Слабостью. Своим физическим превосходством. И безнаказанностью.

— Если не хочешь проблем, держи свою дерзость при себе, — говорит он.

— Пошел ты, урод! — выплевываю я и бью его ногой по щиколотке. — Будешь продолжать к малышне лезть, и не такое получишь!

Захар стонет от боли и звереет еще сильнее. Поднимает на меня блестящие гневом глаза, замахивается рукой и бьет мне по лицу. Голова машинально поворачивается вбок, но я тут же возвращаю взгляд к нему. Тупая боль разливается по лицу, во рту привкус железа, но я не показываю вида.

— Это всё, на что ты способен? — фыркаю я. — Слабак!

Захар ухмыляется, на лице появляется оскал, и всего на секунду внутри меня кусает страх. Он сильнее физически, их больше, и гнев противника — точно не мой союзник. И я знаю, что получу. Я готова к этому. Только инстинкты кричат сильнее.

Захар снова замахивается, и тут позади его спины раздаётся женский голос:

— В чем дело? Что происходит?

Рука пацана опускается, он оборачивается, и я вижу нашего нового психолога. Елена как ее там подходит к нам и выдергивает меня от парней.

— Фамилии, класс! — говорит она грубым голосом.

Парни фыркают, демонстративно отворачиваются и молча уходят в школу. Психолог смотрит им вслед, потом хватает меня за плечи и смотрит на мое лицо. Мягко подталкивает к двери и тащит к себе в кабинет.

В кабинете психолог усаживает меня на стул, достает аптечку и прикладывает ватный диск к губе. Я шиплю от боли, и на секунду замираю, глядя в ее красивые, взволнованные глаза. Забота от чужого человека такая... странная. Пугаю-

щая. И приятная. Мысль уносит меня в ту жизнь, которую я не видела. Туда, где есть мама, которая так же заботливо обрабатывает рану нежными руками. Где я не пугаюсь новым ощущениям, а принимаю их как данность.

Я много раз думала — кем бы выросла в полной семье. Наверняка мама не позволила бы мне стать пацаном, и я бы умела быть обычной девчонкой. Жить без насмешек, не мериться силой с парнями, не доказывать свое право быть собой. Но кем я хочу быть на самом деле? Действительно ли мне нравится тот образ, к которому я привыкла? Я не знаю. Я просто не хочу быть слабой в глазах других. А парни... Они всегда сильные. И всегда доминируют над девчонками, что еще раз доказала ситуация на улице.

В коридоре звенит звонок, и я вздрагиваю. Психолог убирает ватный диск от моей губы и выпрямляется. Я быстро вскакиваю со стула, чтобы убежать от заботы, от мыслей, от желаний, которых не должно быть в моей голове.

— Я так понимаю, ты не скажешь, кто это был и за что тебя ударили? — со вздохом говорит она.

— Да, — киваю я. — Вы очень умная, а мне пора на урок. Быстрым шагом, чувствуя взгляд на своей спине, выхожу в коридор и убегаю в класс.

Все уроки страдаю от жжения в щеке и пульсации в губе. Прикладываю прохладную ладонь к лицу, но это слабо помогает, лишь на одно деление уменьшает боль. Учителя не задают вопросы, одноклассники тоже, потому что больше

половины школы ходит с синяками. Здесь это норма, и разбираться никто, конечно же, не станет.

Привкус перекиси на коже и тепло чужих рук упорно не покидает меня. Я пытаюсь оттолкнуть от себя эти ощущения, но они не проходят. Я сразу вспоминаю случай из детства, когда я упала с велика и сильно ободрала коленку. Папа промыл мне рану и хотел обработать, пока я тихо покусывала на стуле. Он не хлопотал, не вздыхал, делал всё методично и холодно. А потом в комнату зашел Илья. Посмотрел на ноющую меня, на отца, сидевшего на корточках возле моей коленки и забрал у него ватку.

— Она сама может! — сказал Илья и кинул мне ватку. — Не надо с ней сюсюкаться!

Я вытерла слезы руками, а отец только вздохнул. Он прекрасно знал, чей авторитет в нашем доме важнее для меня, поэтому не стал даже спорить. Молча вышел из комнаты, оставив меня со старшим братом.

— Когда вырастешь, тоже будешь слезы лить по всякой фигне? — сказал брат. — Тебе ногу что ли оторвало!

— Нет, — пискнула я. — Мне больно.

— И что? От того, что ты ноешь и жалуешься легче становится? Никому не интересны твои сопли.

Брат подошел ближе и навис надо мной, пока я сжималась на кровати. Его взгляд — такой холодный и грозный, вызывал мурашки на теле.

— Запомни: если не хочешь быть слабой в глазах других,

то никогда не показывай, как ты плачешь. Пусть тебе будет больно, обидно и страшно, но как только ты заплачешь, можешь считать, что противник победил тебя. В данном случае твой противник — это слабость.

С тех пор я не плакала. Даже на похоронах брата держалась — мне казалось, что если я заплачу, то он разочаруется во мне. Явится во сне и скажет, что воспитал слюнтяйку. И это было самое тяжелое, на самом деле. Когда погиб брат, я кричала. Когда его хоронили, я провалилась в пропасть и не издала ни звука. Слышала, родственники говорили, что у меня шок, даже пытались напоить какими-то успокоительными, но я отказалась. Я провожала Илью в последний путь такой, какой он хотел меня видеть. И пусть боль разрывала изнутри, а глаза болели от невыплаканных слез, я держалась. Ради него. Ради его памяти. Ради нашей дружбы.

И тут эта забота от постороннего человека что-то тронула внутри меня. Глаза защипало, словно хотелось выронить пару слезинок, на миг стать слабой и маленькой.

Домой возвращаюсь с еще худшим настроением, чем утром. Лицо еще болит, и завтра точно будет синяк на всю скулу. А я так и не придумала, как выловить Захара одного, поэтому что этот бой ему точно не выиграть. Я не могу оставить последнее слово за ним. Он унизил меня перед своими друзьями, а такое не прощается в нашем мире. Тоже мне... Самец. Все они пытаются показать мне мое место, понизить до ранга девчонки. Этот мандарин вчера вытолкнул меня в

коридор, потом брат наорал, еще и одноклассник добил. Вот этим мы и отличаемся от животных. Они защищают своих самок, не позволяя ни одной особи тронуть ее. И кто, получается, звери: люди или львы?

В квартире сразу сталкиваюсь с хмурым Диманом. Он секунду смотрит на мою разбитую губу и кивает:

— Подралась?

— Угу, — отвечаю я и ухожу к себе.

Разговаривать с братом после его утренних высказываний нет никакого желания. Сейчас бы я погоняла мяч, но для этого мне придется просить Димку, а я не хочу. Лучше побуду в своей комнате в одиночестве.

Захожу в спальню и меня сразу окутывает темнота и запах пыли. Я ничего здесь не тронула с момента смерти Ильи. Даже его тетради и учебники по-прежнему разбросаны на столе и покрыты толстым слоем пыли. Мне кажется, что, если сдвину хоть что-нибудь, эта комната сразу перестанет быть его, и станет моей. Я никогда не открываю шторы — брат всегда любил темноту, не вытираю пыль с поверхностей, которых он касался. Наверное, это болезнь, но как по-другому справиться с горем я не знаю.

— Тох! — Диман залетает в комнату с ложкой в руке. — Иди обедать.

— Не хочу, — тихо отвечаю я, стаскивая толстовку.

— Слушай, не злись, я всплыл утром, — оправдывается брат. — С девчонкой поцапался, в колледже двоек нахватал.

Я молча киваю головой. Хочется спросить: с какой из он поцапался? Насколько я знаю брата, он долго на одной не останавливается. Димка симпатичный парень, друзей у него куча, и девушки к нему, как магнитом тянутся. Только вот к постоянству он не готов — всего двадцать, гулять хочет.

— Давай, пошли обедать. Я твои любимые макароны с сыром приготовил, — говорит брат, подхватывает меня за плечи и ведет на кухню. — А вечером пойдем на матч в парк. Нас пацаны зовут, клевая игра будет.

Упоминание футбола срабатывает всегда отлично, и я расправляю плечи. Мне нравится даже не столько игра, сколько сама суть, что меня берут в команду пацанов.

— А кто будет? — нерешительно спрашиваю я. — Кто в прошлый раз?

Сажусь за стол и жду ответа. Какое-то напряжение сковывает меня, будто я хочу, чтобы снова пришла та команда с Ромой.

— Не, другие, — отвечает Димка, и я опускаю взгляд. — С моего колледжа парни.

Брат ставит передо мной тарелку, и я втыкаю в макароны вилку, ощущая странное разочарование. Пытаюсь прогнать его от себя, но оно не уходит. И это безумно меня злит.

Глава № 7 Рома

Ну что же, свидание. Достаяю из шкафа синие джинсы и белую футболку, аккуратно развешанные на плечиках. Иногда так хочется навести хаос в своем шкафу, а одежду, прежде чем надеть, смять руками и потоптаться по ней ногами. Останавливает только уважение к материнскому труду. Но ее педантичность, ее перфекционизм и безмерная любовь к чистоте слегка подбешивают. И пока моих друзей заставляют наводить порядок в своей комнате, я не могу даже накопить достаточное количество пыли на подоконнике, чтобы написать какое-нибудь неприличное слово.

С мамой мы не разговариваем. Обида засела внутри меня, и я ничего не могу с ней поделать. Меня беспокоит не сам факт появления нового человека в этом доме, а то, что они не спросили моего мнения. Потому что знали, что я буду против. Раньше надо было заводить второго ребенка, пока я мелкий был. А когда я уже вырос эгоистом — поздно. Я заочно невзлюбил этого жителя в мамином животе, и за это я себя не похваляю. Зато я честен. И точно не буду, растягивая рот в улыбке, бежать к друзьям с радостной новостью о скором пополнении. Я вообще никому об этом не скажу. Не великое достижение — ребенка заделать.

Мама тоже ко мне не подходит, видимо, сама обижена или расстроена — не поймешь. И чтобы не терпеть напряжение в

доме, ухожу на встречу с Миланой раньше времени. Поглядываю на телефон — ни одного сообщения от Леры и Дани. Надеюсь, они не поцапались из-за меня, смогли с иронией принять тот факт, что у нас есть интересное совместное прошлое. Немного странная проверка их отношений на прочность. В конце концов, сколько у Дани было девчонок, если злиться на каждые его отношения, то можно всю жизнь провести в обиде.

К кафе подхожу вовремя, но Миланы еще нет. Снова смотрю на телефон и думаю, может позвонить все-таки Лерке? Даня сейчас на тренировке, она наверняка дома сидит со своим блокнотом или книжками. Просто спросить: как дела, послушать, с каким тоном она будет говорить со мной. Тереблю телефон, стучу по нему пальцем, но потом убираю обратно в карман.

Милана подъезжает на такси, и я сразу окидываю ее взглядом. В бежевом брючном костюме, на каблуках, с макияжем. Приведи ее домой матери, она от радости забудет про будущего ребенка. И будут они обсуждать марки порошков, отбеливателей и чем там еще белье стирают. Хотя, может у Миланы тоже мать помешана на чистоте, как моя?

Открываю дверь кофейни и пропускаю Морозову вперед — и это мой максимум галантности.

— Что будешь? — спрашиваю я.

— Раф на миндальном молоке средней сладости, — отвечает Милана и скидывает пиджак.

— Чего? — удивляюсь я. — Кофе с молоком и с сахаром? Орешками еще посыпать?

Ее густые, черные ресницы летят вверх, почти касаясь бровей. Я терпеливо жду, сдерживая смех.

— Раф, — медленно повторяет она, разжевывая, как дебилу. — На миндальном молоке. И ложку сахара.

Я цокаю языком и ухожу к барной стойке, оставляя Милану занимать столик.

— Раф на миндальном с ложкой сахара и черный кофе, — говорю баристе. — И макарены штук шесть разных.

Пока бариста варит кофе, наблюдаю за Миланой. Она смотрится в зеркало, поправляя помаду на губах. И о чем мне с ней разговаривать? Надо было названия порошков хоть прочитать перед выходом, чтобы удивить ее своими познаниями. Пытаюсь вспомнить, о чем разговаривал с последней девчонкой, с которой встречался. О школе мы говорили, но там проще было — мы учились в разных местах, и могли рассказывать истории об учителях и учениках. Еще она смотрела футбол с отцом, и мы обсуждали последние игры.

Хватаю готовый заказ и ставлю перед Миланой. Она аккуратно подвигает к себе стакан и принимает. Поднимающийся от кофе пар оседает капельками на ее лице, и через секунду оставляя после себя маленькие точки на плотном слое макияжа.

— Никогда не задумывалась: в чем смысл жизни? — говорю я, чтобы не молчать.

— Ты что, Ром? — удивляется Милана. — Еще я голову ерундой не забивала.

— Ну ладно, тогда расскажи, чем занимаешься после школы? — говорю я с легким разочарованием.

Вот поэтому мне нравится общаться с Лерой. Она любую тему может поддержать, даже самую абсурдную. Снова подавляю желание позвонить ей и убедиться, что она не обижается.

Сидим с Миланой в кафе, и через час она уже смеется над моими шутками и кокетливо заправляет локоны за уши. А у меня внутри ничего не ёкает, вот совсем никак. Говорим о школе, о друзьях, о моей роли капитана. Скучно. Хочется уйти отсюда и погонять мяч. Или встретиться с друзьями. Но обидеть девчонку не могу, я же сам ее позвал на свидание, вот теперь расхлебываю.

— Душно тут, может до парка прогуляемся? — говорю я в надежде, что она откажется. Она же не хотела гулять.

— Да, пойдем, — внезапно соглашается Милана.

Когда-нибудь я научусь думать, прежде чем говорить, но не сегодня точно. Проклинаю свой болтливый язык, жестом приглашаю Морозову на улицу. Ну ладно, прогуляюсь с симпатичной девчонкой, почему бы и нет?

Мы медленно идем к парку, и ее уже не волнует холод на улице. Милана рассказывает о своих подружках, забивая мою голову историями из чужой жизни. Я слушаю, или делаю вид, что слушаю. Говорят, девчонки взрослеют раньше

парней, может я просто еще не повзрослел? Или, наоборот, перерос тот возраст, когда нравились все симпатичные девушки. Пытаюсь убедить себя — посмотри, красивая девчонка, такую друзьям покажи, все от зависти помрут. Глуповатая, но разве это недостаток?

Приходим в парк, и Милана берет меня под руку, пока я прячу ладони в карманах. Делает это невзначай, будто я не замечаю, что она схватилась за мой локоть. Но не противлюсь, иначе точно обидится. А я почему-то боюсь обиженных девчонок — мало ли на что они способны? У парней-то все проще — подошел, поговорил или морду набил. Девушки же могут такой план мести выстроить, что потом разрезать задолбаешься.

Идем по тропинке, вдоль которой растут туи, стоят деревянные лавочки и металлические урны. Вокруг — ни души. Идеальное место для поцелуев, но не сейчас. Я точно не хочу этого. Не смотрю на нее, чтобы не подумала, что я намекаю.

Вдалеке виднеется футбольная коробка, и меня тянет туда, взглянуть хоть одним глазком. Ничего не могу поделать со своей любовью к игре и к мячу. Подходим ближе, и я уже не слушаю речь Миланы, только смотрю, как парни бегают по полю, мысленно поправляю их технику, предугадываю шаги игроков. На поле явно любители, потому что даже улетевший в аут мяч не останавливает их.

— Давай! — раздается с поля и этот крик, этот голос я узнаю.

Следом слышу звонкий смех, и ноги сами по себе тормозят. Всматриваюсь в игроков через сетку, и вижу ее. Она хлопает парня по плечу, улыбается и смеется. А я смотрю, как замерший дурак. Через две секунды Тоня, словно почувствовав мой взгляд, находит глазами меня. Улыбка медленно сползает с ее лица, и она снова становится хмурой — такой, какой я ее знаю. Смотрит на меня, я — на нее, будто мы хотим что-то сказать друг другу.

— Ты чего? Пойдем? — говорит Милана рядом со мной и тянет меня за руку.

А я хочу, чтобы она меня отпустила. Но заставляю себя отвести взгляд и пойти дальше.

— Знакомый парень, — поясняю я.

Парень... Просто парень, — убеждаю я себе. В мужской одежде, с пацанскими замашками, требующая, чтобы к ней относились, как к парню. Считает себя такой или жизнь заставила — мне не понять, но человек вправе сам выбирать, кем ему быть. В этом и есть смысл жизни — оставаться собой при любых условиях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.